

Воспоминания *Культур.* — о будущем *1936. — 18 мая. — С. 1.*

Борис ВАСИЛЬЕВ

Я родился в Советском Союзе, но мечтаю умереть в России. Слиться с прахом своих предков, прорасти зеленой травой на ее лугах, тихо вздохнуть в шелесте ее березовых рощ. Может быть, даже не ради себя, а ради внуков и правнуков, которые будут жить в той России. Но беда в том, что мало кто помнит, какой была она, та Россия, которой предстоит возродиться, и я по мере сил своих пытаюсь собрать осколки разбитого вдребезги. По обрывкам, которые застал в детстве, по собственным воспоминаниям, по рассказам родителей. По долгу совести своей.

Летом 1935 года отец получил месячный отпуск, едва ли не впервые с 1914-го, и взял меня с собой в Крым.

Это не ностальгические вздохи о детстве. Это ностальгия по временам, когда гость еще оставался гостем, ребенок — ребенком, а люди — людьми. Когда Россия еще оставалась Россией наперекор гражданской войне, голоду, террору и унижению, подобного которому Россия не знала со дня зачатия своего. Со дня победы на поле Куликовом.

Мы прошли с отцом от Байдарских ворот до Алушты по замысловатому серпантину старой дороги, куски которой еще сохранились ниже современной автомагистрали. Мы шли, никуда не торопясь, отец учил меня есть сырые мидии и вареных крабов и категорически запрещал забираться в сады и виноградники, которые никто не сторожил. А под вечер мы заходили в любое селение, где нас и кормили, и поили, и укладывали спать. Это были либо татарские аулы, либо греческие поселки, и я запомнил их по вкусу. По кисло-ватому, разбавленному специально для меня татарскому вину, горьковатому молоку греческих коров и ароматным взварами айсоров.

Русские на побережье жили тогда в основном в городах да при санаториях, потому что принцип частной собственности инерционно еще продолжал существовать. Россия, захватывая сопредельные территории, никогда не нарушала его, став могучей империей, но так и не превратившись в оккупанта.

Это и позволяло ее населению сохранять дружбу и уважение. И в каком бы селении мы ни останавливались, нас встречали в самом почетном доме, куда постепенно подходили татары и греки, армяне и айсоры и другие соседи, Бог весть каких национальностей. Не сразу, разумеется — они все были на редкость деликатны, — а после того как до отвала кормили нас. Потом меня отправляли к ребятишкам, а отец оставался с мужчинами пить вино, рассказывать "о текущем моменте" и отвечать на бесчисленные вопросы. А я не знал ни татарского, ни греческого, но детский язык одинаков во всем мире.

Тогда Крым был цветущим садом. Татары издревле долбили ямы в скалистом грунте, возили плодородную землю из-за Яйлы и выращивали груши и яблоки, каких я более нигде не встречал. А греки создали сотни сортов десертного винограда и делали вина, от которых остались одни названия. Это был единственный в мире заповедник высочайшей садоводческой культуры глубокой древности. Его не смогли уничтожить никакие завоеватели — ни Османская империя, ни Россия. Потому что берегло его на редкость трудолюбивое и удивительно разноплеменное население.

Мой родной Смоленск тоже отличался поразительной многонациональностью. В первом классе 13-й школы со мной вместе учились русские и чеченцы, украинцы и евреи, белорусы, поляки, эстонцы и айсоры, татары и латыши, немцы и литовцы, и уж не упомню, кто еще. И никто никогда не интересовался твоей национальностью, никто и никогда. Это был осколок старой России, в котором мне выпало великое счастье сделать первый шаг из детства, бережно унеся из него

чувства естественного бытового интернационализма, на котором тысячу лет стояла Россия. И ехали в нее не за длинным рублем, а убегая от унижений и преследования. И Россия равно принимала всех. Немцев и китайцев, болгар и армян, сербов и курдов. В центре Смоленска длинный худой китаец торговал с лотка бумажными змеями и фонариками, айсоры до блеска чистили сапоги, армяне варили сладости, и никто никому не мешал, не унижал, не называл обидными словами. В России не существовало разделения по национальному признаку, существовало разделение по вероисповеданию. А потом веру отменили, а державно властвовать без разделения подданных коммунисты не умели и — разделили. По пятому пункту в паспорте.

А ведь министром иностранных дел при Петре Великом был еврей Шафиров, лучшим другом и наставником — швейцарец Лефорт, адмиралом — калмык Абдурахман, генерал-фельдмаршалом — шотландец Брюс, генералом и крестником — абиссинец Ганнибал. А полководцами Отечественной войны 1812 года были потомок татар Кутузов, шотландец Барклай-де-Толли, грузин Багра-тион, немец Беннигсен.

Россия не обращала внимания на национальность, но ценила способности человека, его талант, ум, преданность долгу настолько, что уважала за эти качества врагов своих. Петр Великий расцеловал шведских генералов, плененных под Полтавой. Александр Второй вернул шпагу турецкому полководцу Осман-паше, лично принял великого имама Шамиля, разрешил ему посетить Мекку, определил его младшего сына (кстати, тоже Шамиля) в Академию Генерального штаба, и полковник Шамиль стал одним из героев русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Мы не просто не знаем собственной истории — мы похоронили ее рыцарски-героический дух. Коммунистическая пропаганда вытравила из нас интернационализм, превратив его в "исполнение интернационального долга", измеряемого количеством цинковых гробов да сотнями тысяч искалеченных молодых жизней.

Как ни покажется странным, в России тоже существовало понятие интернационального долга. Позволю себе привести пример из семейных преданий.

С детства помню иностранную открытку с заманчивой маркой. Я хотел было ее отклеить, но мама не разрешила, объяснив, что это — извещение о гибели ее дяди Георгия Ивановича Алексеева, отставного капитана русской службы. Во время англо-бурской войны в начале этого века он уехал в Южную Африку, где и вступил волонтером в армию генерала Девета, чтобы защищать буров от английского вторжения. Вероятно, воевал он отважно, как и положено русскому офицеру, потому что извещение о его гибели было подписано самим президентом Бурской республики господином Крюгером. Так понимало свой интернациональный долг русское офицерство.

И эту страну бескорыстного благородного героизма коммунисты перекроили в государство средневекового идеологического неприятия, породив национальную ненависть, граничащую с расизмом, а кое-где и уже слившуюся с ним. Во всем мире это именуется преступлением против человечества и как таковое не имеет срока давности.

Не имеет срока давности и еще одно преступление коммунистов: уничтожение России. Многим все еще трудно это осознать, но — верю! — внуки наши во всем разберутся. И место легендарного татаро-монгольского ига займет реальное коммунистическое. И мы должны помочь своим внукам и правнукам личным июньским выбором завтрашнего дня, ибо день вчерашний, коммунистический, мы уже проходили.

По этапу.